

24. Побег разрушителя

Хейдьюк съел банку бразильской солонины, консервант и все остальное (эти фашисты делали замечательную солонину), съел две полные банки ананасов на десерт. Немного передохнув, он запаковал остальные банки в ящик, который спрятал в запас провианта.

Он разобрал бензопилу, смазал все части, завернул ее в чехол из толстой ткани и положил вместе с едой. Он накрыл запас продуктов землей, валунами и кусками древесины; при свете звезд такая маскировка казалась достаточной. Оставшееся перекочевало в его рюкзак.

Он надел шапку и посмотрел на звезды. Ковш Большой Медведицы был с этой точки перевернут, было около часа ночи. Хейдьюк пошел по откосу чуть ниже кромки и направился севернее через поля в сторону огней Кайенты.

Он чувствовал себя неплохо. Его груз казался не таким уж тяжелым после нагрузки последних дней, ноги были в форме, сердце и голова наполнялись приятным чувством успеха. Он неплохо поработал, несмотря на собак, лаявших из каждого свинарника, полицейский контрольный пункт на хайвэе южнее кайентской развязки, заставивший его сделать крюк. В час ожидания рассвета он достиг комплекса с мотелем, заправкой и магазином возле развязки. Спрятав свой рюкзак в кустах, ибо нет ничего более подозрительного для глаз горожан чем бородатый мужик, белый или краснокожий, пешком с рюкзаком за плечами, он вышел к паркингу возле Холидей Инн. Джип был все еще здесь, со спрятанными ключами и запиской:

«Сэм, я ждала тебя целых три дня. Пришли Святые Последнего дня и мы поехали забрать его светлость в международный аэропорт Мексикан Хат. Будем ждать тебя в Плаза, как договаривались. Пожалуйста, поторопись, а то я не люблю ждать. Хватит валять дурака. И помоги облагородить Америку — прими ванну.

Твой друг и советник

Тельма.»

Никого вокруг не было, кроме нескольких местных, прошедших мимо бетонной стены, опорожняя бутылки здесь же. Хейдьюк завел свой джип, откопал свой груз и порулил на север через Кайенту к реке Сан-Хуан и деревни Мексикан Хат. Солнце встало, когда он переезжал мост. В Юте, в краю сумасшедших каньонов, он чувствовал себя спокойнее, лучше и по-домашнему. Здорово было снова оказаться в старой доброй стране Сан Хуан.

Он заметил, что кафе открылось, и несмотря на то, что он должен был по возможности избегать городов и асфальтовых дорог, он остановился. Хейдьюк истосковался по кофе и нормальному завтраку с яйцами и ветчиной. Пять дней одного лишь изюма, орехов,

подсолнухов и шоколада, сплошного сухого молока, арахисового масла и консервированной солонины, довели его до такого состояния.

Он припарковал джип за два квартала от кафе, за въездом Снежной Королевы (закрытого до полудня), прошел назад и уселся на табурет за стойкой. Прыщавая индейская девушка с раскосым лицом монгольской кинозвезды приняла у него заказ. Он прошел в туалет умыться и попытаться смягчить непослушную шевелюру.

Облегчаясь, он читал надписи на стенах. О чем пишут люди: «Свободная любовь ценится вернее», «Освободим женщин сегодня ночью», на потолке он прочитал: «Чего ты ищешь здесь, придурок? Ты льешь себе на туфли».

Хейдьюк вернулся в зал и обнаружил две широкие спины в ковбойских рубашках, сидящих рядом с его кофе и завтраком. Две серебристо-серых ковбойских шляпы и два широких важных зада в габардине. Он моментально заметил тот тип мужчин, которые носят галстуки и стреляют уток, едят сосиски по-венски из банок на рыбалке. Тип людей из народа, сделавших Америку такой, какая она сейчас.

— Доброе утро! — сказал Хейдьюк, садясь и глядя себе в тарелку. Широкая пола шляпы приподнялось, открыв верхнюю часть лица, опасную часть (красные глаза посмотрели на него устало в треснутое зеркало в уборной.) Он уселся, хотя в этот момент понял, что совершил серьезную ошибку. Уголкем левого глаза он увидел ярко-желтый «Блейзер», который стоял возле кафе, на водительской двери он разглядел знак официальной службы. Он был более усталым, чем ожидал. Импульсы в его мозгу давали сбой или вообще отсутствовали. Его рефлексy не реагировали. Он знал, что он устал, но не знал, что слишком устал, чтобы видеть.

Сильные загорелые челюсти перед ним приостановили работу на мгновение. Шершавое лицо повернулось к нему, глаза, синие, как ягоды можжевельника, с расходящимися лучами морщин, следствие жизни под ярким пустынным солнцем, остановились на бородатом недружелюбном лице Хейдьюка.

— Как дела у малыша Редкого Гостя? — спросил епископ, уставившись тяжелым взглядом.

Испугавшийся, но слишком измученный, чтобы волноваться, Хейдьюк уставился в ответ, раздумывая. «Джордж, ты выглядишь как лошадиная задница... В этом твой шанс.»

— Я не знаю его, — пробормотал он полным ртом. — О'кей?

Огромные ручки епископа, больше, чем у Дока, и наполовину не такие ласковые, возобновили движение по приему пищи.

— Да, но он тебя знает, малыш.

Мужик справа от епископа, выглядевший как младший брат Лава, на мгновение перестал есть, глядя на свою яичницу, и стал ждать реакции Хейдьюка.

Хейдьюк колебался совсем немного.

— Я не знаю никого с таким именем, — он добавил еще сахара в кофе.

— Уверен?

— Никогда не слышал.

Все три снова стали монотонно есть: Хейдьюк свою ветчину и яичницу, епископ то же самое, младший Лав четыре сосиски и болтунью. Чавканье и жевание заполнило пространство. «Мисс Юта» сновала между кухней и баром в своих подростковых туфлях. Стеклянная дверь с шумом распахнулась. Два пожилых человека, выглядящих как директора школы или наследственные чиновники, уселись за стол возле двери, поставив свои дипломаты на пол. Они тоже носили галстуки. Хейдьюк почувствовал ощущение затравленного зверя. Уходить отсюда!

Епископ продолжил:

— Вот что, парень, я видел тебя с ним в тот день в Бриджесе. И я никогда не забываю лица. Особенно похожие на твое. Там был ты, он, молодая девчонка с приятным голосом и большой лысый мужик с седоватой бородой. И мы остановились спросить вас о похитителях на строительстве дороги. Кто-то оставил следы, размер 10 или 11, на всем пути от Комб Вош до развязки Холл Кроссинг. Если не ты, то это мог быть твой брат-близнец.

Брат епископа откинулся на спинку стула и уставился на обувь Хейдьюка.

Большой палец на ноге Хейдьюка согнулся внутри его горного ботинка.

— Должно быть то был мой брат-близнец, — сказал он, подбирая остатки желтка коркой тоста. Ладно, с Божьей помощью. Он повернулся к принцессе:

— Еще кофе.

Она налила, одарив его стеснительной улыбкой, которая, при обычных обстоятельствах запомнилась бы Хейдьюку на два следующих месяца.

— Ты ничего об этом не помнишь?

Хейдьюк добавил сахар в кофе.

— Не-а.

— Ты врешь, парень.

Хейдьюк отхлебнул из чашки, затем еще. Он почувствовал, как струйки пота потекли вниз по ребрам. Рубашка, которую он не снимал последние пять дней воняла достаточно и без этого дополнительного букета. Что же делать, что делать? Старый вопрос. Конечно у него

был пистолет за поясом, под курткой, но его невозможно было быстро вынуть и уложить двух этих братьев Лав при стольких свидетелях. Выплеснуть кофе в лицо епископу и выскочить наружу? Да, неприятности не ходят по одной.

— Ты, слышишь, парень?

Есть идея, прикинуться глухонемым.

— Сэр? — сказал он, и обратился с улыбкой к официантке. — Чек, мисс.

Она выложила зеленый бланк счета.

— Посчитать вместе? — спросила она, глядя на Хейдьюка и двух других. Этот разговор сбил ее с толку.

Хейдьюк вспомнил «Отче наш».

— Отдельные счета, пожалуйста, — она была красива. Сконфужена, но ничего. Эти щеки. Глаза ацтеков. Но у него были более важные вещи в голове. — Отдельные счета. Мне пора.

— Никуда ты не уйдешь, — тихо сказал епископ. — У нас есть о чем поговорить.

— Сэр? — он нащупал деньги.

— Да, да. И бульдозер, сам собой прыгнувший в озеро Пауэлл, И камни, которые кто-то набросал на мой другой «Блейзер». И местонахождение Редкого Гостя Смита. И еще несколько маленьких вопросов вроде этого, малыш.

Епископ и его брат продолжали пожирать еду, но были готовы вскочить в любой момент. Их бледные и едва удивленные глаза ни на миг не отрывались от Хейдьюка.

Все еще сидя у стойки он заплатил по счету, дал чаевые был готов удалиться. Но как? Он все еще рассчитывал уйти достойно, спокойно и не спеша.

— Ладно, отец, — сказал он, — ты меня с кем-то перепутал, это все, что я могу сказать, — он начал вставать. Епископ положил тяжелую руку на него и усадил на место.

— Сядь.

Младший брат епископа улыбнулся:

— Мы уйдем все вместе.

Страх окутал голову Хейдьюка. Он ненавидел тюрьмы. Они вызывали у него клаустрофобию. Чувство западни. Вздыхнув, он сказал:

— В таком случае я хочу еще кофе.

Он подставил большую чашку, девушка наполнила ее.

— Спасибо.

Пар шел от кофе, вычерчивая в воздухе вопросительный знак. Его волновал вопрос вооружены ли они, но, как и он, они не держали оружие на виду. Правда у Хейдьюка оно было нелегальным, но у этих парней наверняка были удостоверения заместителей шерифа. Еще один вопрос: сможет ли он не описаться, пока не выйдет отсюда свободным. Загадка сфинктера. Это был вопрос.

— Как тебя зовут? — спросил епископ.

— Герман Смит.

— Ты не очень-то похож на американца, как по мне. Уверен, что не Рудольф?

— Кто?

— Рудольф Рыжий.

Хейдьюк выплеснул остатки кофе в лицо епископу и рванул к двери. Два чемоданчика стояли у него на пути. Одним прыжком он вывалился через стеклянную дверь.

— Счастливо! — крикнула ему вслед официантка, на автомате выполняя наставления начальства. — Заходите еще!

Хейдьюк пролетел мимо нового восьмицилиндрового «Блейзера», жалея о том, что не было времени стащить ключи или проколоть шины. Он заметил внутри заряженный пистолет Лава, флажок на антенне, до того, как он завернул за угол и помчался по дороге в сторону Снежной Королевы. Энергия, о наличии которой он и не подозревал, билась у него в венах, рождала искры в промежутках нервов, электризовала его мышцы. Ноги, выручайте. Гневное рычание, хлопанье двери, крики слышались позади, топот бегущих ног. Оглянуться? Нет, не теперь.

Въезд. Он забежал за угол и прыгнул за руль джипа. Запустив мотор, он позволил себе оглянуться. Младший Лав бежал позади во весь опор, покрыв половину дистанции. Большой мужик, но не такой быстрый, вытирал лицо полотенцем, шатаясь стоял в дверях кафе, крича своему брату, и нащупывал дверь «Блейзера».

Колеса джипа крутились, разбрасывая гравий, Хейдьюк петляя вел джип в сторону хайвэя. Младший Лав пробежал до стены Снежной Королевы, с трудом переводя дух, затем повернул и поковылял назад к рычащему брату.

План Хейдьюка: убираться отсюда. Он разгонял свой скрипящий джип до максимальной скорости. Недостаточно быстро. У него есть выигрыш около мили пока Лавы перестанут выяснять кому сесть за руль, заведут свою мощную машину, развернутся и сядут ему на хвост. Мало времени. Шанс у Хейдьюка был, если он свернет с дороги в лес. В какой лес? Он

был в пустыне реки Сан Хуан, страны красных скал и пурпурной породы, где ничего не росло, кроме колючек. Высокое плато, где можно было найти убежище лежало в десяти милях на север. Круто вверх. Он никогда с этим не справится. Придумай что-то еще, парень.

Автостанция Мексикан Хат появилась в поле зрения, разрастающаяся груда старых, разбитых, брошенных и разграбленных автомобилей. Хейдьюк посмотрел в зеркало заднего вида: желтый «Блейзер» все еще не показывался. Он съехал с дороги и втиснулся в дыру в заборе, затем забился среди металлолома, остановился и стал ждать. Через полминуты братья Лавы выехали на холм и проехали дальше в пятидесяти ярдах от носа Хейдьюка. По звуку двигателя он понял, что они ехали на второй передаче, вынюхивая где он. Рулил епископ; его брат держал винтовку между колен.

Хейдьюк подождал, чтобы они удалились на милю, затем поехал за ними. У него не было иного пути, на юг, в Аризону. Там у него больше нет друзей. Ему нужно подняться на плато и через леса к своим товарищам в Спрятанный Блеск. Так что он поехал за своими преследователями.

Через три мили от Мексикан Хат хайвей разветвлялся, основная дорога лежала на восток в Блафф и Блендинг, левая ветка — частично асфальтированная — вела на север, в горы, к каньонам, свободе, сексу и бесплатному пиву.

Епископ, преследуя невидимого беглеца, должен первым принять решение. Будет ли он достаточно тупым, чтобы выбрать восточную дорогу, оставив Хейдьюку чистую дорогу для побега? Или, может он свернет налево, связавшись по дороге по рации с Блафф и Блендинг, подняв по тревоге дорожный патруль штата Юта, офис шерифа, службу спасения Сан Хуан? Епископ Лав, хотя и полный ярости и не слишком умный, выбрал дорогу налево.

Хейдьюк, держась позади, увидел куда поехал епископ и выбрал правую дорогу. Прямо в лапы ожидающим его «властям»? Возможно, хотя может быть и нет. Не настолько знакомый с этой местностью, как Редкий Гость, и как епископ, Хейдьюк изучал карту достаточно часто, чтобы запомнить, что через несколько миль должна быть грунтовка, ведущая налево в нечто, обозначенное торгово-промышленной палатой как Долина Богов. Ведет ли дорога в тупик? Забирается на плато? Снова выводит на хайвэй? Хейдьюк не знал, и не имел времени опрашивать местных жителей. Через несколько минут епископ должен был осознать, что его преследуемый как-то просочился мимо, и теперь вероятно не впереди, а позади его. Перемалывая хайвэй, глядя на абсолютно голую местность, Хейдьюк обнаружил грунтовку, съехал по ней влево, прыгнув в канаву, подняв брызги воды из кювета. Он ехал по дороге, которая была плоха, но все же не очень. Кто-то, видимо, недавно поработал здесь грейдером, чтобы сделать эту дорогу доступной для туристов.

Хейдьюк продолжал ехать, поднимая клубы пыли на открытой, пустынной местности. Если епископ не увидел его, то потому, что он был слеп от душившей его ярости.

Дорога шла в основном на север, повторяя контуры рельефа. Впереди была группа скал, маячившая впереди на фоне неба, обтесанные эрозией голые скалы с профилем египетских богов. Красная стена плато воздвигалась на пятьсот метров над пустыней в виде ровных,

голых, обманчивых по размеру скал. Хейдьюку пришлось бы искать дорогу на вершину плато если он хотел встретить друзей в точке сбора.

Джип поднимал слишком много пыли. Хейдьюк остановился, чтобы осмотреться и отдохнуть несколько минут. Он начал думать, что возможно ему удалось убежать. Он нацепил бинокль на шею и полез на ближайшую скалу. Ничего вокруг, кроме дикой пустыни. Мексикан Хат, единственное населенное место в радиусе двадцати миль, лежало внизу на небольшом возвышении. Во всех направлениях он видел только пустыню, рыжие скалы, местами поросшие кустарником, с несколькими участками хлопка в болотцах. Горы и плато, плавающие в горячих волнах, тянулись до самого горизонта.

Облака пыли простирались с юга на север. Он поднял бинокль к глазам. На дороге на запад за скалами и оврагами он увидел металлический, быстродвигающийся, объект — справа; один желтый «Шевроле Блейзер», прыгающий по колеи и скалам, красный вымпел развевался на конце его антенны. С юга по той самой дороге, по которой приехал Хейдьюк, ехал еще один «Блейзер», сверкая металлом на солнце. Хейдьюк проследил за обеими дорогами и обнаружил, что они соединяются через несколько миль, к западу от богов торгово-промышленной палаты. Поисковики и Спасатели отрезали ему путь к отступлению и они приближались. Оставалось не более 10–15 минут.

— Но я не потерялся, — сказал Хейдьюк, — меня спасать не надо.

На мгновение паника охватила его: выбрось свой груз и беги. Забейся в нору и заплачь. Ляг на землю, закрой глаза, сдайся.

Но он подавил панику, и, повернув от своих преследователей, стал изучать местность к северу и северо-востоку. На севере он не нашел ничего, кроме плато, на северо-востоке он обнаружил след тропинки, выходящей между богами, углубляющуюся в овраг и скрывающуюся из виду, затем снова вынырывающую на узком, заросшем можжевельником, гребне и ведущую к пологой части склона. Тупик? Отсюда он не мог сказать.

Хейдьюк спрыгнул с бугра и влез в джип. Он завел двигатель, затем снова выпрыгнул, чтобы заблокировать ступицы передних колес и убрать ветки кустов, застрявших в лебедке. Снова усевшись в машину, он включил первую передачу и тронулся. Шлейф пыли снова поднялся, выдавая его расположение. Ничего невозможно сделать.

Громя на максимально возможной скорости, он осматривал местность впереди, выискивая тропу, которую он заметил с холма. Хотя отсюда был хороший обзор, она была невидима. Плиты обожженного солнцем камня в наложенных террасах блокировали видимость. Одинокий можжевельник простирался слева от него. Он помнил это; тропа в этом месте отклонялась. Хотя каждая секунда решала все, он остановился и вскарабкался на капот. Он увидел за своим радиатором колеи, ведущие по песку через высохшее русло и снова избегающие на холм в восточном направлении. Вернувшись за руль, Хейдьюк порулил через песок к скалам. Наверху он притормозил, чтобы оглянуться. Три шлейфа пыли смыкали вершины десятимильного треугольника, в котором он был одной из вершин.

Он прибавил. Дорога вилась среди кустарников, огибая пьедесталы пятисотфутовых монументов. Несмотря на мелкие изгибы, дорога продолжала идти вверх; стрелка высотомера показала очередную сотню футов, еще несколько можжевельников кустов пронеслось мимо. Хейдьюк понял, что он приближается к обрыву, который он видел с места своей первой остановки — можжевельники стали больше по ходу дороги в восточном направлении. Двигаясь, в основном, по скалам, его машина больше не поднимала шлейф пыли. Но особой помощи это не приносило. Хотя три мили позади не сократились, епископ и его команда могли видеть джип Хейдьюка в луче обзора.

Что надеялся найти Хейдьюк в конце этой встающей волны скал и можжевельника? Он не знал, у него больше не было плана. Он на что-то надеялся, и продолжал ехать. Один большой можжевельниковый куст, заякоренный на камне, живописно выглядел на фоне неба. За ним, очевидно, была пустота. Направляясь к этому дереву, Хейдьюк рулил вперед и вверх. Он уже не видел дороги, она исчезла полмили назад, и сейчас он ехал по гладкой скале.

Он доехал до дерева и остановился. Твердь закончилась. Через пять метров был край обрыва. Хейдьюк вышел из машины и оказался на краю скалы. Не совсем вертикальной скалы, но нависающей над обрывом. Хейдьюк не мог видеть саму скалу, ее величину, но он мог предвидеть падение в сто футов.

Нижний карниз, или кромка, плавно переходили в песчаное русло, которое переходило, в свою очередь, мимо бесплодных куполов, шишек и башенок из выветренного камня, в широкий проспект из песка, серо-зеленого от полыни, называемый Комб Вош. Он простирался с севера на юг на пятьдесят миль под стеной Комб Ридж. В сорока милях на север от этой точки должен был пройти хайвэй. Дальше была старая дорога в Нэчурал Бриджес, Фрай Каньон, Хайт — и на северной оконечности (брошенной) остатки урановых рудников Хидден Сплendor, в шестидесяти пяти милях отсюда.

Длинный переход пешком, и Хейдьюк опаздывал к месту встречи на четыре дня. Он мог бы удрать пешком, даже отсюда, где-то внизу должно быть место, откуда он мог бы спуститься по веревке с обрыва, но это означало бы бросить на произвол его призовой джип, со специальными дополнительными причиндалами, наклейкой «Гуру Магараджа», широкими колесами и приспособлениями для езды по пересеченной местности, топографическими картами, Библией, Книгой Мормонов (похищенной в мотеле «Пейдж»), и другими сокровищами, которые достались бы банде стражей порядка, охотящихся за ним. Не выйдет. Если бы только он мог удержаться от этого. А мог ли? Он снова посмотрел вниз со скалы. Это в самом деле был нависающий обрыв. И высота была действительно минимум сто пятьдесят футов. Он вспомнил поговорку доктора Сарвиса: «Когда ситуация безнадежна, волноваться не о чем.»

Он повернулся, чтобы посмотреть на своих преследователей. Епископ и его команда были в двух милях позади, поднимаясь медленно, но уверенно, на гребень. В тишине он мог слышать рычание восьмицилиндровых двигателей. Старые машины, зато мощные. Хейдьюк прикинул, что у него есть около десяти минут.

Епископ Лав был терпелив. Терпеливый, методичный и скрупулезный. Несмотря на то, что его лицо и шея пекли от ожога кофе, он не мог позволить ненависти повлиять на его озабоченность, беспокойство об этом человеке. Он видел, что волосатый ариец был в западне, хотя и на расстоянии, поэтому связался по радио, чтобы получить инструкции, и остановился. Ожидая остальных, он вышел из машины, и изучал в бинокль место, где должен был находиться джип, но, к сожалению, джип был скрыт большим можжевельным деревом на краю скалы.

Лав знал, что лежит за скалой. Он сам когда-то обследовал эту самую дорогу, десятилетия назад, когда он участвовал в первой урановой лихорадке в 52-м году. Ты, дикий сукин сын, думал он, тут мы тебя поймаем. Он обнаружил какое-то движение в месте, где располагался беглец. Спокойно, сказал он сам себе, он вооружен и опасен.

Его люди подъехали и присоединились к нему. Они переговорили. Епископ Лав посоветовал приблизиться еще на милю, остановившись на дистанции ружейного выстрела. Отсюда они могли идти пешком, при оружии, идя широкой линией, чтобы избежать возможного побега беглеца вдоль гребня. Согласны? Его вопрос был простой формальностью, его предложения, учитывая иерархию церкви, имели силу приказа. Его напарники, все взрослые люди, имеющие свой бизнес, кивнули, как хорошие солдаты. Все, кроме младшего брата епископа, который, к сожалению, был джек-Мормоном.

— И будьте осторожны, эта грязная скотина может иметь оружие. И может в запарке выстрелить.

— Может связаться по радио с шерифом? — сказал брат. — Возможно неплохо будет иметь поддержку с воздуха. На случай если этот шельмец сподобится спуститься со скалы.

Пятидесятипятiletний епископ посмотрел с юмором и сарказмом на младшего сорокашестилетнего брата.

— Думаешь, нам нужна помощь, Сэм? Как он спустится вниз?

— Я не знаю.

— Может позвонить в полицию штата? ВВС? Национальную гвардию? Вертолеты? Танки?

Их напарник хихикнул, сбившись с шага от смущения. Крупные мужчины, сильные, сообразительные; двое из них держали бензоколонки и станции техобслуживания в Блэндинге; один держал мотель в деревне Блафф; один держал ранчо и загон для откорма скота в засушливом месте возле Монтчелло; брат епископа работал главным инженером на насосной станции газовой компании Эль Пасо в Анет, юго-восточнее Блендинга (очень ответственный пост).

Что касается епископа Лава, поисково-спасательная деятельность была для него только хобби; он был не просто епископом в церкви, он также служил председателем в совете округа, планировал быть избранным в Ассамблею штата Юта и выше, владел агентством Шевроле в Блендинге, несколькими урановыми шахтами — действующими и закрытыми

(включая старую в Дир Флэт над Нэчурал Бриджес), и половиной акций в пристани для яхт в Холл Кроссинг. И восемь детей. Занятой человек, возможно, слишком занятой. Его врач, глядя на кардиограммы епископа, советовал ему дважды в год отдыхать, а он отвечал, что отдохнет, когда будет время.

— Ладно, — сказал младший брат, — я пошутил. Все равно надо звонить в офис шерифа.

— Мне не нужна ничья помощь, — сказал епископ. — У меня есть депутатские полномочия, которыми я собираюсь воспользоваться. Я хочу самому разобраться с этим патлатым хулиганом там наверху, и я сделаю это сам, если придется. Вы, парни, можете ехать домой, если хотите.

— Ладно, епископ, — сказал владелец мотеля, — не возвращаться же. Мы все идем с тобой.

— Точно, — сказал владелец ранчо.

— Только скажи что ты задумал, когда мы его возьмем? — спросил брат.

Епископ улыбнулся, и бережно, осторожно дотронулся до своего горящего лица.

— Сначала я возьму свои кусачки и удалю пару его ногтей с пальцев ног. Потом его задние зубы. Потом я спрошу его, где Редкий Гость, и доктор Сарвис, и та маленькая шлюха, которую они везде таскают с собой. Возможно мы поймаем всех на Манн Экт, подумайте — пересечь государственную границу с аморальными целями. Затем мы доставим всю банду сами, и нам не нужна ни помощь шерифа, ни полиции. Больше мне сегодня делать нечего. Вы, ребята, со мной?

Все согласились, кроме брата.

— А ты? — спросил епископ.

— Я иду, — сказал он. — Кто-то должен сдерживать тебя, Джей Дадли, или следующее, что мы услышим, это то, что ты баллотируешься в губернаторы.

Все, включая епископа, улыбнулись.

— Я вернусь к этому позже. Сейчас давайте выгоним кролика из кустов.

Они вернулись в машины и сделали, как планировали. Около мили до точки, где скрывался беглец, они вылезли из машин. Все были хорошо вооружены — винтовки, карабины, пистолеты. Лав отдал распоряжение, и все члены его команды растянулись цепью на всю ширину гребня. Он взял бинокль и посмотрел где дичь, но рельеф мешал обзору. Он посмотрел с другой стороны — его люди были готовы, глядя на него. Он сделал движение вперед правой рукой, сигнал капитана команды к началу действий. Все пошли вперед, пригибаясь, прячась за можжевельновыми кустами, держа оружие наготове. Брат епископа, Сэм находился ближе к нему.

Жара полудня в округе Сан Хуан — в воздухе пахло грозой, облака на юго-востоке были чем-то большим, чем просто декорацией, солнце отражалось в камне, деревьях, острых листьях юкки. Ни один не заметил пустынные бархатцы, пурпурные астры, цветущие подсолнухи там и сям, в песчаных островках среди скал. Команда была занята более интересной игрой.

— Ты взял свои наперстянки сегодня, Дадли?

— Да, Сэм, взял.

— Я просто так спросил.

— Ладно. А теперь заткнись.

Епископ Лав загнал патрон в патронник своего карабина и взвел курок. Он получал удовольствие; так он себя не чувствовал со времен дней зачисток в Окинаве. Тогда он был лейтенантом Лавом, командиром взвода, Бронзовой Звездой, завоевывая хороший военный стаж, чтобы потом использовать его. В глубине души он даже на мгновение испытал симпатию к пойманному японцу, который прятался на краю скалы, замочив штаны от страха.

Поисково-спасательная команда наступала тактически грамотно, двое шли впереди, крадучись, пока остальные стояли, готовые открыть огонь прикрытия в случае необходимости. Но никакой стрельбы со стороны, где скрывался беглец, не было. Команда приближалась, до края оставалось меньше четырехсот ярдов, деревья стали реже. Шестеро людей крались, видя друг друга, прислушиваясь, останавливаясь, выжидая.

— Я слышал мотор, — сказал брат.

— Это невозможно, Сэм, — ответил епископ. Он хотел использовать бинокль, но было так близко, что он не решился опустить оружие.

— Я ничего не слышу.

Они прислушались. Ничего не было слышно, ни одного звука, только шум ветра в можжевельника да случайное чириканье птиц.

— Мне кажется, я слышал, — сказал брат. — Ты сказал, что он за тем деревом?

— Да.

— Я не вижу джип.

— Он там, не волнуйся, — епископ посмотрел налево, затем направо на своих людей. Они ожидали, глядя на него. Все были вспотевшие, краснолицые, но твердые. Епископ повернулся в сторону края обрыва, к последнему можжевелевому дереву, которое было почти закрыто остальными деревьями. Он сложил ладони рупором и крикнул:

— Эй, наверху! Рудольф, или как там тебя! Слышишь меня?

Никакого ответа, кроме дуновения ветра, удаленной трескотни соек, мягкое уханье большой совы из-под обрыва.

Епископ снова крикнул:

— Спускайся лучше вниз, Рудольф. Нас шестеро. Отвечай, или мы будем стрелять, — он подождал.

Никакого ответа, кроме еще одного уханья совы.

Епископ поднял оружие, кивнул своим людям. Они прицелились и выстрелили, все, кроме брата, по высокому можжевельнику, который затрясся от попавших пуль.

Епископ поднял руку.

— Прекратить огонь.

Эхо от выстрелов прокатилось вдаль, вниз, через Долину Богов, затихнув перед стенами и выступом плато в пяти, десяти, двадцати милях отсюда.

— Рудольф!!! — крикнул епископ. — Ты спускаешься? — он подождал. Ничего в ответ, кроме птиц. — Прикрой меня, — сказал он брату. — Я хочу вытащить этого дьявола оттуда.

— Я пойду с тобой.

— Останься, — шепотом, — это приказ.

— Не говори ерунду, Дадли. Я иду с тобой.

Епископ Лав сплюнул на землю.

— Ну ладно, Сэм, убьют тебя, не обижайся.

Он крикнул остальным четверем:

— Прикройте нас.

Брату:

— Идем.

Они крались от дерева к дереву до последнего клочка земли, пока не дошли до края обрыва. Никого.

Не было сомнений в том, что он исчез. Рудольф скрылся. Его джип также испарился. Ничего не осталось, кроме одинокого можжевельника, потрескавшегося куска песчаника у его основания и несколько капель смазки, кусочков металла на земле.

— Его нет, — сказал брат.

— Это невозможно.

— Даже джипа нет.

— Я вижу, не слепой, черт побери.

Епископ Лав поднялся на колени, уставившись на определенное, явное, ощутимое, почти прощупываемое, очевидное наличие отсутствия. Пот капал у него из носа. — Но это же невозможно!

Они подошли к краю и заглянули вниз. Все видели то, что было внизу: уступ из голого камня футах в ста ниже, изрытая бесплодная земля, ущелья, овраги, сухие русла ручьев, пески и валуны до Комб Вош, высокий отвесный фасад Комб Ридж за стеной, горы за грядой. Сэм улыбнулся брату:

— Ну что, губернатор..?

— Заткнись. Я пытаюсь понять...

— Впервые за это время...

— Заткнись. Давайте присядем здесь в тени и подумаем, что могло произойти.

— Может быть сейчас связаться по радио с шерифом?

Епископ Лав вырвал стебель травы и стал ковырять им в зубах. Сидя на корточках он чертил палочкой на земле.

— Я позвоню шерифу, когда поймаю этого гада, — сказал он. — Его и его чертовых друзей. Тогда я позвоню шерифу. Не раньше.

— Ладно, отлично. Давай поймаем их. Как?

Епископ прищурился на солнце, нахмурился, глядя на брата, еще раз посмотрел на дерево и снова на каменистую землю под своими ботинками. Он жевал, чертил на земле и думал.

— Я работаю над этим.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:09:07

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:09:26